

МАКС МАХ

ПИЛОТ
РАКЕТОНОСЦА

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М36

Серия «Боевая фантастика»

Иллюстрация на обложке *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Мах, Макс

М36 Пилот ракетноносца: роман / Макс Мах. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2020. — 352 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-120087-9

Это история успеха. История о том, как безродный сирота, выросший в трущобах самой грязной помойки планеты Эвр, делает стремительную карьеру в Военно-космических силах империи Торбенов. Это история выживания там, где всё решает способность ежедневно и ежечасно драться за кусок хлеба, за место у огня, за право дожить до рассвета. Эрик Минц прошел путь от безымянного воспитанника в богом забытом приюте на краю мира до блестящего офицера, которого сам государь-император наградил высшим орденом империи «Звездой и Мечом». Но между тем и этим были годы неимоверного труда, взлеты и падения и, разумеется, космические сражения, в которых пилот тяжелого ракетноносца лейтенант Минц вел свой ударный фрегат в самоубийственные атаки на вражеские корабли. И это были успешные атаки, поскольку в противном случае наша история закончилась бы гораздо раньше.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-120087-9

© Макс Мах, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Низкий старт спортсмены заимствовали у кенгуру. Сжимаясь, как пружина, бегун после выстрела или команды стремительно выбрасывает тело вперёд.

Глава 1

СЛУЧАЙ

*15 марта 2531 года,
космическая станция «Птицелов»*

Перед стыковкой, грузопассажирский транспорт, на котором на станцию «Птицелов» перебрасывали 3-й взвод 6-й роты, прошел мимо легкого крейсера «Наутилус». Кроме Эрика, никто из тридцати двух курсантов не читал Жюль Верна. Они о нем даже не слышали. Поэтому неудивительно, что название корабля заставило их гадать, что бы это могло быть: личное имя, инструмент — вроде пробойника или пневмосверла, звезда или планета. Еще это мог быть спутник, астероид или, скажем, гора на любой из трех десятков планет, входящих в состав империи Торбенев. Вариантов много, и не факт, что на самом деле «Наутилус» не является «потомственным» именем, переходящим от корабля к кораблю не одну сотню лет. Такое случается довольно часто, но о такой возможности подумал только

Эрик, потому что читал книгу про капитана Немо и его подводный корабль. Он даже помнил сноску, в которой разъяснялось, что наутилус — это головоногий моллюск. Другое дело, что Эрик не знал, сохранились ли еще где-нибудь на Старой Земле эти существа, и, если все-таки сохранились, как они должны выглядеть.

В любом случае он — по обычной своей привычке — не стал принимать участие в разговоре. Сидел молча, смотрел, как по экрану внешнего обзора проплывают хищные очертания ударного крейсера, заточенного, как он помнил из курса *«Боевой состав флота»*, на «взлом» планетарной обороны, и думал о том, какому умнику пришло в голову назвать современный боевой корабль именем, которое практически ни у кого не вызывает никаких ассоциаций.

— А ты, Счастливчик, чего молчишь?

Счастливчиком Эрика назвал инспектор учебных заведений округа при переводе в училище пилотов. Назвал с иронией, подразумевающей законченного неудачника. Вьюн истории этой не знает и не может знать, — слышал что-то краем уха, и все, — но вот прикапываться к Эрику это ему совершенно не мешает. Штефан Бирн, как и большинство других курсантов, вырос в семье, а семьи на Иль-де-Франс обычно большие, — знает своих родите-

лей, имеет множество братьев и кузенов. Кроме того, он попал в училище по реестровому набору рекрутов из колонии Новая Швабия — одной из пяти основных колоний континента Промисленд¹, — и это делает его здесь, да и везде на планете, «своим». А Эрик, мало того что штрафник, он везде — на планете, на континенте и в училище — чужак, да еще и безродный сирота ко всему. Глумиться над такими, как он, легко и просто. Никто за него не вступится, потому что некому.

— Молчу, потому что сказать нечего, — ответил на подначку Эрик. — Извини.

Сказал спокойно, без агрессии. Равнодушным тоном «снулой рыбы», так как по опыту знал, что это лучший способ отделаться от Штефа и его подпевал, и снова оказался прав. Вьюн смерил его презрительным взглядом — типа «ну что с тебя взять, с калечного» — и вернулся к обсуждению названия крейсера, который он, к слову, опознал не как ударный, а как сторожевой. Судя по тому, что никто ему не возразил, большинство курсантов думали точно так же, — люди и вообще по большей части не любопытны и ленивы, — а те, кто знал правильный ответ, просто не захотели связываться, и Эрик их хорошо понимал. Бирн, как и большинство неумных задавал, критику

¹ От *англ.* promised land — земля обетованная.

не любит и никому никогда ничего не забывает. При этом парень он крупный — крупнее даже Эрика, — да и дерется хорошо. Во всяком случае, лучше многих. Так что связываться с ним себе дороже.

Впрочем, у Эрика мотив «не связываться» совсем другой. Если бы он захотел, то избил бы Вьюна до полусмерти, — и его, и его шавок, — но, наученный горьким опытом, делать этого не станет. Училище пилотов москитного флота не Смоляной городок, здесь калечить противника, тем более убивать — нельзя. Мигом вышвырнут на свалку или запишут в «черный десант». И то, и другое означает конец, причем конец быстрый и печальный.

«Ладно, — решил Эрик, стараясь на всякий случай держать Вьюна в поле зрения, — терпеть осталось недолго: всего полтора года. Сущие пустяки! Я выдержу, я смогу...»

Он уже совершил однажды ошибку, замахнувшись не на того, на кого следует, и вот результат: вместо третьего курса звездной академии шестой курс в училище пилотов «москитных сил». И добро бы речь шла о настоящих москитниках — истребителях планетарных сил обороны или палубных истребителях тяжелых кораблей. С гораздо большей вероятностью всех их распределяют на нижние палубы крейсеров и «носителей» или на такие вот орбитальные крепости, как «Пти-

целов», один из сегментов которого возник сейчас на обзорном экране. Кто-то же должен рулить на шаттлах, ремонтниках и прочей невооруженной мелюзге. Печально, разумеется, но Эрик умел принимать мир таким, каков он есть: лучше таскать почту и вывозить корабельный мусор, чем идти в первой волне десанта или «дрочить» на каторжных работах. Какой-никакой, а пилот и зауряд-офицер. Возможно, даже гардемарин¹. И потолок совсем неплохой: если повезет, в отставку выйдет мичманом, а то и лейтенантом. Это уж как сложится. Во всяком случае, на нижних палубах будет ходить «гоголем», поплеывая на работяг через плечо, да и офицеры обычно относятся к пилотам нижнего звена вполне лояльно. Надо только знать свое место и не высовываться. Во всяком случае, до тех пор, пока не представится случай переиграть судьбу.

Если честно, Эрик редко предавался такого рода размышлениям. Ему не надо было себя ни в чем убеждать. Не склонный к пессимизму и унынию, он являлся человеком

¹ *Гардемарин* — звание унтер-офицеров в Русском императорском флоте, существовавшее с 1716 по 1917 год. С 1716 по 1752 и с 1860 по 1882 год звание гардемарина в Российском императорском флоте существовало как строевое, в остальное время гардемаринами называли воспитанников военно-морских учебных заведений.

дела и всегда был *сам по себе* и *себе на уме*. Таким его сделала жизнь. Скрытным, осторожным и предельно внимательным. Он не станет лезть на рожон, и предаваться иллюзиям не будет тоже. Главное — выжить и не упустить случай. Возможности, как не раз убеждался Эрик, обычно открываются вдруг, и использовать их надо сразу. Если упустил свой шанс — вини только себя, потому что положиться тебе не на кого. Один раз он отступил от этого правила, понадеявшись на справедливость одних и благородство других, и ничего хорошего из этого не вышло. А ведь, если бы не расслаблялся, перспективы у него сейчас могли быть совершенно другие...

* * *

Вообще, если разобраться, Эрик невероятно везучий человек. Не зря его позже прозвали Счастливымчиком. Первый раз ему повезло, когда самодельный нож какого-то мелкого негодяя из стаи Рыжих псов распорол Эрику кожу и тощую плоть, но застрял в ребрах. Не дошел, в общем, ни до сердца, ни до легкого. То есть, наверное, Эрику везло и раньше. Все-таки дожить в Смоляном городке до шестилетнего возраста, не имея при этом семьи и не являясь членом стаи, задача, как говорят математики,

отнюдь не тривиальная. Тем не менее как-то же выжил!

Эрик не помнил, как ему это удалось, но факт, как говорится, налицо. Детских воспоминаний у него почти не осталось, хотя кое-что время от времени всплывало в памяти. Он помнил, например, подвал сгоревшего дома, где какой-то беззубый старик в лохмотьях учил детей грамоте и счету. Воспоминание было туманным и включало в себя запах гари и чувство голода. Однако, как ни крути, читать-то он тогда все-таки научился и, значит, провел в том подвале не день и не два.

Еще вспоминались помойки. Не одна, а много разных. Еды там практически не было — разве что крысу пришьешь, — но можно было найти что-то, за что старьевщики платили настоящие деньги. Немного. Грош или два, что бы это ни было и сколько бы ни стоило на самом деле. Но два грошика — это полбуханки суррогатного хлеба, а для такого маленького мальчика, каким был тогда Эрик, это еда на два дня. Или даже на три, если наступала голодная полоса.

Голод, боль и холод. Вот что вспоминалось отчетливо. Остальное, как в тумане. Драки. Драк, похоже, было много. Боль и кровь, злость и страх. А еще чердаки и подвалы Смоляного городка. Другие дети. Кое-кто из них говорил на ланге, но большинство — на мест-

ных диалектах *дойча* и *руза*¹. Это Эрик помнил твердо, а вот лица и события не запомнились. Все смутно и нечетко — память ребенка, медленно умирающего от голода. И все-таки главное в этой истории не страдания и невзгоды, которые он претерпел, а то, что там и тогда Эрик выжил. По-видимому, ему очень сильно повезло, как повезло и в тот день, когда заточка рыжего сучонка застряла у него в ребрах. Тогда его пожалел какой-то старьевщик. Отогнал стаю. Кажется, даже стрелял поверх голов из дробовика. Притащил истекающего кровью Эрика в свою берлогу — вспоминалось темное, задымленное, но при этом пахнущее едой помещение, — вытащил из тела нож, обработал рану. Зашил. А потом сдал Эрика в детский дом, что, наверное, было совсем непросто. Слишком много беспризорников пряталось по щелям в руинах Старого порта и в трущобах Смоляного городка.

Детский дом, в который попал Эрик, был ужасным местом. Там тоже все время было холодно, голодно и страшно. Чего конкретно боялись дети, Эрик теперь вспомнить не мог, хотя и догадывался. И еще там постоянно дрались. За еду, за место у печки, за всё. Но вскоре

¹*Ланг* — (от *Langue* — язык, *лат.*) — общеупотребительный, универсальный язык в империи Горбенов и в некоторых других мирах; *дойч* — язык немецкоязычных колоний; *руз* — язык русскоязычных колоний.

ему повезло снова. Новый губернатор — подоплеку событий он узнал много позже — начал наводить порядок в Смолянском городке. Детский дом, а по сути, обычный рабочий дом для мелких трудяг, был упразднен, и Эрик с несколькими другими мальчиками и девочками попал в «Новый сад» — сиротский приют, расположенный на окраине Туманной долины — маленького городка, затерявшегося в горах водораздела. О том, как ему повезло, Эрик догадался не сразу. Но зимой разразился чудовищный экономический кризис, и на Северном материке от холода — не хватало топлива, — голода и эпидемий вымерло до шестидесяти процентов населения.

Детям в «Новом саде» тоже пришлось туго. Но эпидемии так высоко в горы не добрались. Топлива хватало — городок располагался в самом сердце реликтовых эндемических лесов, покрывавших тысячи квадратных километров незаселенной горной местности. Здания приюта, больше похожие на тюремные бараки, стояли на берегу большого горного озера, а это чистая вода, рыба, которую ловили сами дети, и кормильные уголья сирен¹,

¹ *Сирены* — отряд травоядных млекопитающих, живущих в воде, в том числе и в пресной. На планете Эвр (Эвр в древнегреческой мифологии — божество восточного ветра) адаптировались и размножились после второго этапа терраформирования (около ста пятидесяти лет назад).